

СОФИЯ ВУЛ

Нужное счастье по ошибке

Иногда прошлое
возвращается,
чтобы подарить
настоящее

София Вул

Чужое счастье по ошибке

«Автор»

2026

Вул С.

Чужое счастье по ошибке / С. Вул — «Автор», 2026

В сорок семь лет Нина Лаврова получает неожиданное наследство — дом у моря от женщины, которую, как ей кажется, она никогда не знала. Но вместе с домом ей достаются старые фотографии, загадочные письма и тайны, которые близкие скрывали больше двадцати лет. После давней аварии Нина потеряла часть воспоминаний. Теперь ей предстоит выяснить, кем была Анна, почему муж боится её возвращения в прошлое и какую роль в этой истории сыграла девушка по имени Лиза. Чем ближе Нина подбирается к истине, тем страшнее становится вопрос: сколько лет она прожила жизнью, которую за неё выбрали другие?

© Вул С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Женщина, которой не было	6
Глава 2. Дом, который ждал	16
Глава 3. Девочка без имени	34
Глава 4. Две дочери	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

София Вул
Чужое счастье по ошибке
СОФИЯ ВУЛ
ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ
ПО ОШИБКЕ

Глава 1. Женщина, которой не было

В тот день, когда Нине сообщили о наследстве, она собиралась выбросить любимую чашку.

Чашка была белая, с тонкой синей полоской по краю. Двадцать три года назад Нина купила её в маленьком магазинчике возле вокзала. Тогда ей казалось, что с этой чашки начнётся новая жизнь. Она будет пить по утрам кофе, смотреть в большое окно, за которым непременно должно быть море, и никуда не торопиться.

Моря в её жизни так и не случилось.

Было окно девятого этажа, выходившее на соседнюю многоэтажку. Был растворимый кофе, потому что муж не любил запах молотого. Были бесконечные утра, похожие одно на другое настолько, что Нина иногда путала дни недели.

А чашка осталась.

Теперь на ней появилась трещина — тонкая, почти незаметная, но Нина почему-то решила, что пользоваться ею больше нельзя.

Она стояла возле мусорного ведра, когда зазвонил телефон.

Номер был незнакомый.

— Нина Сергеевна Лаврова?

— Да.

— Вас беспокоит нотариальная контора. Меня зовут Ольга Викторовна Белова. Скажите, вам знакома гражданка Анна Михайловна Рябинина?

Нина нахмурилась.

— Нет. А должна?

На другом конце провода возникла короткая пауза.

— Дело в том, что Анна Михайловна скончалась двадцать восьмого сентября. Согласно составленному ею завещанию, вы являетесь наследницей принадлежащего ей имущества.

Нина посмотрела на чашку в своей руке.

— Вы, наверное, ошиблись.

— Ваше полное имя Нина Сергеевна Лаврова? Девичья фамилия Морозова? Дата рождения — семнадцатое мая тысяча девятьсот семьдесят девятого года?

— Да.

— Тогда ошибки нет.

— Но я не знаю никакой Анны Рябиной.

— Возможно, вы знали её под другой фамилией.

— Я вообще не знаю никаких Анн, которые могли бы оставить мне наследство.

— Тем не менее завещание существует. И в нём указаны именно вы.

Нина опустила на кухонный стул.

За окном моросил дождь. По стеклу медленно ползла капля, догоняя другую. Сосед напротив курил на балконе в растянутой футболке. Всё было привычным, обыкновенным, до тошноты знакомым.

— А что она мне оставила?

— Жилой дом с земельным участком, автомобиль и некоторые личные вещи. Подробности мы сможем обсудить при встрече.

— Где находится дом?

— В Приморске. Это небольшой город на побережье.

Нина не сразу ответила.

Приморск.

Она знала этот город.

Вернее, когда-то очень давно собиралась туда поехать.

— Нина Сергеевна, вы меня слышите?

— Да. Простите. А сколько лет было этой женщине?

— Пятьдесят два года.

— И она точно умерла?

Вопрос прозвучал настолько нелепо, что Нина сама смутилась.

— К сожалению, да.

— От чего?

— Эту информацию я не уполномочена сообщать по телефону. Но могу сказать, что Анна Михайловна заранее позаботилась о том, чтобы вы получили её письмо.

— Какое письмо?

— Оно находится у нас. Передать его можно лично, после удостоверения вашей личности.

Нина записала адрес нотариальной конторы на обратной стороне магазинного чека и положила трубку.

Потом ещё несколько минут сидела неподвижно.

В половине второго ей нужно было возвращаться к работе. В три — отправить квартальный отчёт. В шесть — зайти в аптеку за таблетками для мужа. В семь — приготовить ужин.

Наследство неизвестной женщины совершенно не вписывалось в расписание.

Нина поднялась, машинально открыла мусорное ведро и бросила туда чашку.

Но почти сразу достала обратно.

Вымыла под краном, вытерла полотенцем и поставила на подоконник.

Сама не понимая зачем.

* * *

Муж вернулся в половине восьмого.

Виктор Лавров был человеком аккуратным во всём, что касалось его самого. Он складывал ключи в одну и ту же фарфоровую тарелочку, вешал пальто строго на левый крючок и терпеть не мог, когда домашние тапочки стояли носками в разные стороны.

За двадцать два года брака Нина привыкла к этим мелочам так же, как к его манере читать новости во время ужина.

— Что у нас? — спросил он, проходя на кухню.

— Курица с овощами.

— Опять?

— Вчера была рыба.

— Я не про вчера.

Нина промолчала.

Виктор сел, открыл телефон и принялся листать экран большим пальцем.

Ему исполнилось пятьдесят четыре. Он по-прежнему следил за собой, носил дорогие рубашки, трижды в неделю ходил в бассейн и часто говорил знакомым, что ему повезло с женой.

Особенно когда Нина находилась рядом.

— Мне сегодня звонили от нотариуса, — сказала она, раскладывая ужин по тарелкам.

— Умер кто-то?

— Да.

— Кто?

— Не знаю.

Виктор поднял голову.

— В каком смысле?

— Незнакомая женщина оставила мне наследство.

Он усмехнулся.

— Мошенники. Сейчас чего только не придумают.

— Они назвали мою девичью фамилию и дату рождения.

— Эти данные давно в интернете.

— И сказали, что оставили дом.

— Ну конечно. Наверняка ещё и деньги попросят за оформление.

— Дом в Приморске.

Виктор перестал жевать.

Это было настолько непривычно, что Нина заметила сразу.

— Где? — переспросил он.

— В Приморске. На море.

— Я слышал.

Он положил вилку.

— Как зовут женщину?

— Анна Рябинина.

Нина не могла бы потом объяснить, что именно изменилось в лице мужа. Он не побледнел, не вздрогнул, не отвёл глаза.

Просто стал каким-то другим.

Словно на секунду перестал быть её мужем и превратился в совершенно незнакомого человека, который пытался понять, насколько опасно услышанное.

— Повтори.

— Анна Михайловна Рябинина. Пятьдесят два года. Умерла в конце сентября.

Виктор медленно взял стакан воды.

— И что ты собираешься делать?

— Съездить к нотариусу. Узнать подробности.

— Не надо.

Нина удивлённо посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что это какая-то афера.

— А если нет?

— Тогда тем более. Зачем тебе чужие проблемы?

— Дом у моря — это не совсем проблема.

— Ты понятия не имеешь, что там за дом. Может, развалина с долгами.

— Я ничего ещё не решила.

— Вот и не решай.

Он произнёс это обычным голосом, но Нина вдруг почувствовала знакомое раздражение. Виктор всегда умел заканчивать разговоры за двоих.

Когда дочь выбирала институт, он объяснил, какой факультет перспективнее. Когда Нина хотела поменять работу, доказал, что в её возрасте рисковать неразумно. Когда они собирались в отпуск, неизменно оказывалось, что море слишком жаркое, горы слишком утомительные, а дача его сестры — идеальный вариант.

Он редко запрещал.

Просто после разговора с ним любое желание Нины становилось глупым, несвоевременным или невыгодным.

— Я всё-таки схожу к нотариусу, — сказала она.

Виктор посмотрел на неё.

— Нина, не начинай.

— Я ничего не начинаю. Просто хочу узнать, кто эта женщина.

— Какая тебе разница?

— Она почему-то знала меня.

Муж встал из-за стола.

— Делай что хочешь. Только потом не говори, что я тебя не предупреждал.

Он ушёл в гостиную, оставив почти полную тарелку.

Нина долго смотрела на недоеденную курицу.

Потом впервые за много лет не стала убирать её сразу.

* * *

Нотариальная контора находилась в старом доме с высокими потолками и тяжёлыми дверями. В коридоре пахло бумагой, кофе и чем-то аптечным.

Нина приехала туда на следующий день, отпросившись с работы на два часа. Ольга Викторовна Белова оказалась женщиной лет сорока, с короткой стрижкой и спокойным лицом человека, привыкшего к чужим семейным драмам.

Она внимательно проверила паспорт, открыла папку и несколько минут просматривала документы.

— Итак, Нина Сергеевна. Анна Михайловна Рябинина действительно указала вас в завещании. Имущество находится в Приморске. Дом площадью восемьдесят шесть квадратных метров, небольшой участок, автомобиль. Есть также банковский счёт, но сведения об остатке мы уточняем.

— Почему она всё оставила мне?

— Причины завещатель указывать не обязан.

— У неё не было родственников?

— Я не могу утверждать, что родственников нет. Но в завещании указаны вы.

Нина посмотрела на фотографию, прикреплённую к копии документа. На снимке была женщина с тёмными волосами, собранными на затылке, и очень светлыми глазами.

Обычное лицо.

Не красавица с журнальной обложки, не загадочная незнакомка. Таких женщин можно встретить в магазине, в автобусе, в очереди к врачу. Посмотреть и через минуту забыть.

И всё же Нина задержала взгляд.

Что-то в этом лице тревожило.

Не сходство. Скорее выражение глаз.

Женщина смотрела прямо в объектив, но казалось, будто мысленно находилась далеко от фотографа.

— Можно мне её фотографию? — спросила Нина.

— Копию документа я вам выдать не могу без соответствующих оснований. Но вы можете записать необходимые сведения.

— Понятно.

Нотариус достала из папки небольшой конверт.

Плотная кремовая бумага. На лицевой стороне аккуратным почерком было написано:

Нине Сергеевне Лавровой. Лично.

— Анна Михайловна оставила это письмо с распоряжением передать вам.

Нина взяла конверт.

Он был лёгкий.

Странно, что вещи, способные изменить жизнь, иногда почти ничего не весят.

— Я могу открыть?

— Разумеется.

Внутри лежал один лист.

Всего несколько строк.

Нина,

прости, что я прожила твою жизнь.

Я долго думала, имею ли право рассказать тебе правду. При жизни так и не решилась. Теперь поздно бояться.

Дом твой. Всё, что в нём находится, тоже.

Только, пожалуйста, не верь первому объяснению, которое тебе предложат.

Анна.

Нина перечитала письмо три раза.

— Что это значит?

Нотариус покачала головой.

— К сожалению, я не знаю.

— Может, она была психически больна?

— У меня нет оснований делать такие выводы.

— Но ведь это бессмыслица! Какая моя жизнь? Я её никогда не видела!

Ольга Викторовна подождала, пока Нина успокоится.

— Иногда люди оставляют письма, смысл которых понятен только адресату.

— Но мне непонятен.

— Возможно, станет понятен позже.

Нина сложила лист.

— А дом можно посмотреть?

— Конечно. После оформления необходимых документов мы сможем организовать доступ. Но Анна Михайловна предусмотрела и более раннюю возможность осмотра. Ключи находятся у её доверенного лица в Приморске.

— У кого?

Нотариус посмотрела в бумаги.

— У Сергея Павловича Миронова.

Имя ничего Нине не сказало.

— Он родственник?

— Насколько мне известно, нет.

— А кто?

— В документах указан как доверенное лицо.

Нина убрала письмо в сумку.

Уже у двери она обернулась:

— Ольга Викторовна, а вы сами были знакомы с Анной?

— Лично — только в рамках оформления завещания.

— Какая она была?

Нотариус задумалась.

— Очень спокойная. И очень уставшая.

— Она болела?

— Я не могу обсуждать обстоятельства её здоровья.

Нина кивнула.

— Спасибо.

— Нина Сергеевна.

Она остановилась.

— Анна Михайловна несколько раз меняла текст письма. Само завещание оставалось прежним, а письмо она переписывала.

— И что?

— Последний вариант она принесла незадолго до смерти.

— Вы знаете, что было в предыдущих?

— Нет. Она их уничтожала.

Нотариус помолчала.

— Но однажды сказала странную вещь. Я тогда не придавала этому значения.

— Какую?

— Она сказала: «Самое трудное — не вернуть человеку то, что у него забрали. Самое трудное — объяснить, почему он столько лет этого не замечал».

* * *

Вечером Нина достала старый чемодан.

Не для поездки.

Просто искала коробку с фотографиями.

Она хранилась на антресолях за зимними одеялами, детскими рисунками дочери и сломанным утюгом, который Виктор обещал когда-нибудь починить. Фотографии были ещё бумажные, отпечатанные в маленьком фотоателье. Некоторые пожелтели по краям. На обороте других сохранились даты, написанные маминым почерком.

Нина перебирала снимки, сидя на полу спальни.

Вот выпускной.

Вот первый курс института.

Вот они с подругой Леной на городской набережной.

Вот Нина в двадцать четыре года, в светлом платье с мелкими цветами.

Она задержалась на последней фотографии.

Снимок был сделан в июне, за год с лишним до свадьбы с Виктором. Тогда она ещё носила длинные волосы и улыбалась иначе — широко, без привычки прикрывать рот ладонью.

За спиной виднелся железнодорожный вокзал.

На обороте стояла дата.

14 июня 2003 года.

Нина нахмурилась.

Она помнила этот день.

Вернее, помнила то, что произошло потом.

Поездку, которая не состоялась.

Билет в Приморск.

Старую дорожную сумку.

Дождь, начавшийся внезапно, когда она вышла из дома.

И телефонный звонок, после которого вся её жизнь пошла по другому пути.

Нина медленно опустила фотографию.

Звонок был от матери.

Мама сказала, что попала в больницу.

Нина тогда сдала билет, поехала к ней и провела возле больничной койки несколько дней.

Потом появилась новая работа.

Потом Виктор сделал предложение.

Потом свадьба, дочь, квартира, кредиты, родительские болезни, бесконечные заботы. Приморск постепенно превратился в название города, куда она когда-то не поехала.

Но сейчас Нина вдруг вспомнила одну деталь.

В тот день мама позвонила ей с домашнего телефона.

Хотя, насколько Нина помнила, в больнице у неё был мобильный.

Она сидела неподвижно, пытаясь восстановить разговор.

«Ниночка, не пугайся. Со мной всё хорошо. Только приезжай, пожалуйста».

Нет.

Мама сказала не так.

Нина закрыла глаза.

Память упрямо подсовывала обрывки.

Шум вокзала. Запах мокрого асфальта. Чужой голос из громкоговорителя.

И мамина фраза:

«Ты только никуда не уезжай. Я потом всё объясню».

Нина открыла глаза.

Мать умерла восемь лет назад.

Спросить было не у кого.

Она перевернула фотографию.

В правом нижнем углу обнаружилась надпись, которую раньше она почему-то не замечала.

Чужой почерк.

Всего два слова:

«Мы успели».

* * *

Виктор нашёл её на полу спальни около одиннадцати.

— Ты что делаешь?

— Фотографии смотрю.

— На ночь глядя?

Он уже переоделся в домашний костюм и держал в руках стакан кефира.

— Помнишь, я в молодости собиралась в Приморск? — спросила Нина.

Муж замер.

— Не помню.

— В две тысячи третьем. До нашей свадьбы.

— Нина, двадцать три года прошло. Откуда мне помнить каждую твою поездку?

— Я тогда так и не поехала.

— Значит, были причины.

— Мама попала в больницу.

— Ну вот.

Он направился к двери.

— Витя.

— Что?

— Ты был знаком с Анной Рябининой?

Виктор медленно повернулся.

— Мы уже обсуждали эту женщину.

— Я спрашиваю, знал ли ты её.

— Нет.

— Совсем?

— Нина, что за вопрос?

— Просто ответь.

Он посмотрел на разбросанные фотографии.

— Ты слишком много времени проводишь одна. Вот и придумываешь себе загадки.

— Я не придумываю.

— Тогда прекрати заниматься ерундой. У тебя есть семья, дом, нормальная жизнь. Зачем тебе лезть в прошлое какой-то посторонней женщины?

Он вышел, не дожидаясь ответа.

Нина осталась сидеть на полу.

Впервые за много лет слова мужа не показались ей разумными.

Они показались заученными.

* * *

Ночью ей не спалось.

Виктор дышал рядом ровно и глубоко. За окном шумел дождь. В соседней квартире кто-то передвигал мебель.

Нина лежала с открытыми глазами и думала о женщине, которой больше не было.

Анна Рябинина.

Пятьдесят два года.

Дом у моря.

Письмо.

«Прости, что я прожила твою жизнь».

Что это могло значить?

Возможно, Анна была любовницей Виктора.

Эта мысль появилась внезапно, но Нина почти сразу отвергла её. Если женщина хотела посмертно отомстить любовнику, зачем оставлять его жене дом?

Хотя люди совершали вещи и поостраннее.

Нина осторожно поднялась, вышла на кухню и включила маленькую лампу над столом.

На подоконнике стояла треснувшая чашка.

Она налила в неё воды.

Из трещины медленно выступила тонкая влажная полоска.

Чашка больше не могла служить по назначению.

Но выбросить её Нина опять не решилась.

Она взяла телефон и открыла поисковую строку.

«Анна Михайловна Рябинина Приморск».

Появилось несколько результатов.

Объявление о продаже мебели.

Старая публикация городской газеты.

Упоминание благотворительной ярмарки.

Нина открыла последнее.

На экране появилась фотография нескольких женщин возле столов с книгами и домашней выпечкой.

Анна стояла справа.

Улыбалась.

В руках держала небольшую табличку:

«Поможем вместе».

Нина увеличила снимок.

Позади Анны виднелся мужчина в серой рубашке. Его лицо было частично закрыто плечом другой женщины.

И всё же что-то заставило Нину всмотреться.

Она увеличила фотографию ещё сильнее.

Изображение распалось на квадратики.

Мужчина был высокий, седоватый, с широкими плечами.

Ничего особенного.

Но на его левой руке виднелись часы.

Старые, с тёмно-синим циферблатом и металлическим браслетом.

Нина знала эти часы.

Виктор носил такие много лет назад.

Она сама подарила их ему на первую годовщину свадьбы.

Сердце неприятно толкнулось.

Нина открыла подпись к фотографии.

«Благотворительная ярмарка в Приморске. Август 2018 года».

В августе две тысячи восемнадцатого Виктор ездил в командировку.

В Казань.
По крайней мере, так он говорил.
Нина долго смотрела на экран.
Потом выключила телефон.
Посидела несколько минут в темноте.
И снова включила.
На этот раз она открыла сайт железнодорожных билетов.
До Приморска можно было добраться ночным поездом.
Отправление в пятницу в 22:40.
Прибытие утром.
Оставалось два свободных места в купе.
Нина выбрала нижнюю полку.
Ввела паспортные данные.
И вдруг остановилась.
Двадцать три года назад она тоже покупала билет в Приморск.
Тоже на ночной поезд.
Тоже на нижнюю полку.
Тогда она собиралась провести у моря две недели, устроиться на сезонную работу в маленькую гостиницу и решить, что делать дальше со своей жизнью.
Она почти забыла, почему вообще хотела уехать.
Только сейчас вспомнила: Виктора тогда ещё не было в её жизни.
Они познакомились позже.
В больнице.
Он пришёл навестить своего знакомого, увидел Нину в коридоре и предложил помочь донести сумку.
Она считала эту встречу счастливой случайностью.
Все двадцать три года.
Нина нажала кнопку «Оплатить».
Через несколько секунд на почту пришёл электронный билет.
Она перечитала его дважды.
Потом открыла контакты и нашла номер нотариуса.
В письме, которое Нина собиралась отправить утром, был всего один вопрос:
«Пожалуйста, сообщите телефон Сергея Павловича Миронова. Я хочу осмотреть дом».
Она уже собиралась выключить свет, когда заметила, что дверь кухни приоткрыта.
В проёме стоял Виктор.
Босой, в тёмной футболке.
— Ты куда-то собралась? — спросил он.
Нина посмотрела на мужа.
— Да.
— Куда?
— В Приморск.
Он молчал так долго, что Нина услышала, как тикают часы над холодильником.
Потом Виктор тихо сказал:
— Не едь туда.
— Почему?
Он провёл ладонью по лицу.
Впервые за все годы брака Нина увидела, что у него дрожат руки.
— Потому что, — произнёс он, — Анна должна была умереть ещё двадцать три года назад.

И сразу замолчал, словно только теперь понял, что сказал.

Нина медленно поставила телефон на стол.

— Что значит «должна была»?

Виктор не ответил.

Он смотрел не на жену.

Он смотрел на белую чашку с синей полоской, стоявшую на подоконнике.

И Нина вдруг поняла, что муж узнал её.

Не чашку вообще.

Именно эту.

Словно видел её когда-то в другом доме.

В другой жизни.

Рядом с другой женщиной.

Глава 2. Дом, который ждал

Утром Виктор сделал вид, что ничего не произошло.

Он привычно налил себе кофе, включил новости на планшете и спросил, не забыла ли Нина оплатить электричество.

Нина смотрела на него и пыталась понять, как человек, с которым прожила почти четверть века, может так спокойно сидеть за кухонным столом после вчерашних слов. Анна должна была умереть ещё двадцать три года назад.

Эта фраза не давала ей покоя всю ночь.

— Витя, нам нужно поговорить.

Он не поднял головы.

— О чём?

— Ты прекрасно знаешь.

— Нина, у меня через сорок минут совещание.

— Тогда ответь на один вопрос. Откуда ты знаешь Анну Рябинину?

Виктор отложил планшет.

— Я вчера сказал глупость.

— Какую именно?

— Про эту женщину. Неудачно выразился.

— Ты сказал, что она должна была умереть двадцать три года назад.

— Я устал. Ты весь вечер приставала ко мне с какими-то фотографиями, письмами, наследством. Вот и ляпнул первое, что пришло в голову.

— Но почему именно двадцать три года?

— Потому что ты сама всё время повторяла эту цифру!

Он повысил голос, но тут же взял себя в руки.

— Послушай, Нин. Я понимаю, тебе скучно. Дочь выросла, живёт отдельно, работа у тебя спокойная. Захотелось приключений. Но не надо делать из меня преступника.

Нина почувствовала, как к лицу приливает кровь.

— Я не говорила, что ты преступник.

— Пока не говорила.

Он встал, подошёл к ней и положил руки на плечи.

Когда-то это движение казалось Нине проявлением нежности. Теперь она ощутила только тяжесть его ладоней.

— Давай забудем эту историю, — сказал Виктор. — У нас всё хорошо. Зачем что-то менять?

Нина посмотрела ему в глаза.

— А если у меня не всё хорошо?

Он растерялся.

Совсем ненадолго. На какую-то долю секунды.

— Что за глупости?

— Я спросила.

— У тебя есть всё, о чём другие женщины мечтают.

Нина хотела возразить, но вдруг поняла, что спорить бессмысленно.

Виктор действительно так считал.

У неё была квартира, машина, хорошая бытовая техника, муж, который не пил, не поднимал руку и исправно приносил домой зарплату.

Чего ещё можно желать в сорок семь лет?

Наверное, ничего.

Если никогда не спрашивать себя, чего хочется на самом деле.

— Я всё равно поеду, — сказала она.

Виктор убрал руки.

— Когда?

— Сегодня вечером.

— Ты уже купила билет?

— Да.

Он несколько секунд молчал.

Потом усмехнулся.

— Значит, решила всё без меня.

— Как видишь.

— И надолго?

— Пока не знаю.

— Прекрасно.

Он взял портфель.

У двери остановился.

— Только учти, Нина. Иногда лучше не знать правду.

Она хотела спросить, какую именно правду он имеет в виду.

Но дверь уже закрылась.

В половине одиннадцатого позвонила нотариус.

— Нина Сергеевна, я получила ваше сообщение. Сергей Павлович Миронов согласен встретить вас завтра утром. Он будет ждать возле дома.

— Вы уже с ним разговаривали?

— Да.

— И что он сказал?

— Что ожидал вашего звонка.

Нина крепче сжала телефон.

— Ожидал?

— Именно так.

— Он знал, что Анна оставила мне дом?

— Разумеется.

— А он не объяснил почему?

— Нет. Но просил передать, чтобы вы не приезжали поздно вечером. Дорога к дому плохо освещена.

Нина записала номер Миронова.

После разговора ещё долго смотрела на цифры.

Она могла позвонить ему прямо сейчас.

Спросить всё.

Узнать, кто такая Анна, почему Виктор испугался её имени и что произошло двадцать три года назад.

Но почему-то не стала.

Ей хотелось увидеть лицо человека, который будет отвечать на эти вопросы.

Поезд отправился точно по расписанию.

Нина устроилась на нижней полке, положила сумку под сиденье и достала книгу, которую собиралась прочитать ещё летом. Напротив сидела пожилая женщина в сиреневом кардигане. Она вязала что-то голубое и время от времени поглядывала на Нину поверх очков.

— К морю? — наконец спросила соседка.

— Да.

— Отдыхать?

Нина задумалась.

— Наверное, нет.

— По делам?

— Скорее разобраться с одним делом.

Женщина понимающе кивнула.

— Я тоже когда-то так ездила.

— Как?

— Разбираться.

Она улыбнулась, но глаза остались серьёзными.

— Только я тогда думала, что еду за ответами. А оказалось, за вопросами.

Нина невольно улыбнулась.

— И чем всё закончилось?

— Разводом.

Соседка произнесла это совершенно спокойно.

— А потом?

— А потом я прожила ещё тридцать два года. И ни разу не пожалела.

Она вернулась к вязанию.

Нина открыла книгу.

Прочитала первую страницу.

Потом вторую.

И поняла, что не запомнила ни слова.

За окном мелькали огни пригородных станций. Поезд набирал скорость, увозя её всё дальше от привычной жизни.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Виктора.

«Надеюсь, ты одумаешься. Я не хочу ссориться».

Нина прочитала и убрала телефон.

Через несколько минут пришло второе.

«Если этот Миронов будет что-то рассказывать, сначала позвони мне».

Она резко выпрямилась.

Откуда Виктор знает фамилию Миронова?

Нина точно помнила: мужу она её не называла.

Она набрала его номер.

Длинные гудки.

Наконец Виктор ответил.

— Что случилось?

— Откуда ты знаешь про Миронова?

Молчание.

— Какого Миронова?

— Витя, не надо.

— Нина, я за рулём.

— Ты написал мне сообщение. Про Миронова.

— Наверное, ты сама упоминала.

— Нет.

— Значит, я что-то перепутал.

Связь оборвалась.

Нина ещё долго держала телефон возле уха.

Потом открыла переписку.

Последнее сообщение Виктора исчезло.

Вместо него появилось уведомление:

«Сообщение удалено».

Нина смотрела на экран и впервые почувствовала настоящий страх.

Не перед неизвестной Анной.

Не перед чужим домом.

Перед человеком, который двадцать два года спал рядом с ней. Приморск встретил её холодным ветром и запахом мокрой соли.

Небольшой вокзал стоял почти у самого моря. На привокзальной площади торговали горячими пирожками, таксисты лениво переговаривались возле машин, а над крышами кружили чайки.

Нина остановилась у выхода.

Море было где-то совсем рядом.

Она слышала его.

Не шум волн — до берега было слишком далеко. Скорее особенную пустоту в воздухе, простор, к которому не привыкли жители больших городов. Впервые за много лет ей не нужно было куда спешить.

Она купила кофе в бумажном стаканчике и села на скамейку. Кофе оказался слишком горячим и неожиданно вкусным.

Нина закрыла глаза.

Ветер трепал волосы. Кто-то катил по плитке чемодан. Пахло свежей выпечкой и морской сыростью.

И вдруг ей захотелось заплакать.

Без всякой причины.

Просто от того, что она сидела в незнакомом городе, пила кофе и никому не должна была объяснять, почему выбрала именно эту скамейку.

Телефон зазвонил.

На экране высветился незнакомый номер.

— Нина Сергеевна? Доброе утро. Сергей Миронов.

Голос был низкий, немного хриловатый.

— Здравствуйте.

— Вы уже приехали?

— Да. Только что вышла с вокзала.

— Я могу за вами заехать.

— Спасибо, я возьму такси.

На другом конце провода возникла пауза.

— Вы уверены?

— Вполне.

— Тогда продиктую адрес.

Нина достала ручку.

— Улица Лесная, семнадцать. Только предупредите водителя, что нужен верхний проезд. Нижнюю дорогу размывло после дождей.

— Хорошо.

— Я буду ждать у калитки.

Он собирался закончить разговор, но Нина остановила его.

— Сергей Павлович.

— Да?

— Вы знали Анну давно?

— Достаточно.

— А меня?

Мужчина не ответил сразу.

— Приезжайте, Нина.

— Вы не ответили.

— Потому что по телефону на этот вопрос отвечать не хочу.

Связь прервалась.

Нина медленно убрала телефон.

Ей всё меньше нравилась эта история.

И всё сильнее хотелось узнать, чем она закончится.

Такси поднималось по узким улицам, мимо старых домов с резными балконами, заросших садов и небольших гостиниц, закрытых до следующего сезона. Чем выше они ехали, тем отчётливее становилось видно море.

Оно лежало за городом огромной серо-голубой равниной. На горизонте небо почти сливалось с водой.

— Хорошее место, — заметил водитель, когда Нина назвала адрес. — Тихое.

— Вы знаете этот дом?

— Конечно. Здесь все друг друга знают.

— А хозяйку знали?

— Анну-то?

Нина повернулась к нему.

— Да.

— Хорошая была женщина. Только странная немного.

— В каком смысле?

Водитель пожал плечами.

— Жила одна. Хотя мужчина к ней ездил. Часто.

— Какой мужчина?

— Не знаю. Я чужими делами не интересуюсь.

Он помолчал.

— А вообще жалко её. Молодая ещё.

— Вы знаете, от чего она умерла?

Водитель посмотрел на Нину в зеркало.

— Так вы родственница?

— Нет.

— Тогда лучше у Миронова спросите. Он с ней ближе всех был.

Нина больше не задавала вопросов.

Через десять минут машина остановилась возле деревянной калитки, выкрашенной в светло-зелёный цвет. За невысоким забором виднелся двухэтажный дом с белыми стенами, голубыми ставнями и небольшой террасой.

Вокруг росли старые яблони.

К дому вела дорожка из неровных каменных плит.

Нина вышла из машины.

И замерла.

Она никогда здесь не была.

В этом она не сомневалась.

Но дом выглядел так, словно она много лет хранила его изображение в памяти.

Белые стены.

Голубые ставни.

Терраса, обращённая к морю.

И даже скамейка под яблоней.

Нина почувствовала лёгкое головокружение.

— Вам помочь с сумкой?

Она обернулась.

У калитки стоял мужчина.

Высокий, с короткими седыми волосами и загорелым лицом. На нём были тёмные джинсы, светлый свитер и старая куртка.

На вид ему было около пятидесяти.

Он смотрел на Нину внимательно, почти неподвижно.

И в этом взгляде было что-то такое, отчего ей вдруг стало неловко.

— Сергей Павлович?

— Да.

Он протянул руку.

— Здравствуйте, Нина.

Она пожала её.

Ладонь была тёплой и сухой.

Мужчина продолжал смотреть на неё.

Не так, как смотрят на незнакомую женщину.

Скорее как на человека, которого очень долго ждали и наконец увидели.

— Мы раньше встречались? — спросила Нина.

Он слегка улыбнулся.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Тогда почему вы так на меня смотрите?

Сергей отвёл глаза.

— Простите. Вы очень похожи на одну фотографию.

— На какую?

— Покажу потом.

Он взял её сумку.

— Пойдёмте. Дом открыт.

Внутри пахло деревом, сухими травами и чем-то сладким, напоминавшим яблочное варенье.

Нина переступила порог и остановилась.

Прямо перед ней была небольшая прихожая. На стене висело круглое зеркало в деревянной раме, под ним стояла узкая скамейка с мягкой подушкой.

Справа находилась кухня.

Слева — гостиная с большими окнами.

Всё было удивительно простым.

Никакой дорогой мебели, никаких дизайнерских решений. Светлые стены, старые деревянные полы, плетёные корзины, книги. И множество мелочей, которые делали дом живым.

Керамическая миска для ключей.

Сухие цветы в высокой бутылке.

Плед на диване.

Три морские раковины на подоконнике.

Нина медленно прошла в гостиную.

Возле окна стояло кресло с высокой спинкой.

Рядом — небольшой столик.

На столике лежала книга.

Нина взглянула на обложку.

«Джейн Эйр».

Она невольно улыбнулась.

Это был её любимый роман.

— Анна много читала? — спросила она.

— Очень.

— Особенно классику?

— Да.

Нина подошла к книжному шкафу.

Там стояли книги, которые она любила с юности.

Булгаков.

Ремарк.

Остин.

Цветаева.

Несколько сборников современных рассказов.

И старое издание «Маленьких женщин», которое Нина когда-то потеряла при переезде.

Она осторожно достала книгу.

На форзаце стояла дата.

2004 год.

Ниже — короткая надпись:

«Чтобы не забывать, что у каждой женщины должна быть своя история».

Подписи не было.

Нина провела пальцами по пожелтевшей бумаге.

— Красивые слова.

Сергей стоял у двери.

— Анна часто их повторяла.

— Она была счастлива здесь?

Мужчина задумался.

— Иногда.

— Станный ответ.

— Зато честный.

Нина поставила книгу обратно.

— Вы её любили?

Вопрос вырвался неожиданно даже для неё самой.

Сергей посмотрел на окно.

— Да.

Нина почувствовала укол смущения.

— Простите. Я не должна была спрашивать.

— Почему? Вы приехали узнать правду.

— Но это не моё дело.

— Теперь, боюсь, ваше.

Он произнёс это тихо.

Нина хотела уточнить, что он имеет в виду, но Сергей уже направился на кухню.

— Давайте сначала выпьем чаю. Вы с дороги.

Кухня была небольшой, но очень светлой.

Окно выходило в сад, где ветер раскачивал ветви старой яблони. На подоконнике стояли горшки с розмарином и базиликом.

Нина остановилась возле кухонного шкафа.

— Можно посмотреть?

— Конечно.

Она открыла дверцу.

На полке стояли чашки.

Белые.
С тонкой синей полоской по краю.
Точно такие же, как её любимая чашка.
Нина почувствовала, как холодеют пальцы.
— Что с вами? — спросил Сергей.
— Откуда они?
Он посмотрел на посуду.
— Анна купила.
— Когда?
— Давно.
— Где?
— Не знаю. А что?
Нина взяла одну чашку.
Повернула.
На доньшке виднелась крошечная синяя метка производителя.
Такая же была на её чашке дома.
— У меня точно такая же, — сказала Нина.
Сергей ничего не ответил.
— Это ведь странно?
— Вряд ли. Таких чашек выпустили тысячи.
Он говорил спокойно.
Но Нина заметила, что мужчина избегает смотреть ей в глаза.
— Сергей Павлович, — сказала она, ставя чашку на стол. — Давайте договоримся.
— О чём?
— Вы перестанете делать вид, что ничего не знаете. А я перестану задавать вопросы, на которые вы не хотите отвечать.
Он усмехнулся.
— Получается, нам придётся молчать.
— Возможно.
Сергей сел напротив.
Некоторое время они действительно молчали.
Потом он сказал:
— Анна просила меня не рассказывать вам всё сразу.
— Почему?
— Она считала, что вы не поверите.
— А если я уже готова поверить?
— Вы ещё не знаете, во что именно.
Нина почувствовала раздражение.
— Мне сорок семь лет, Сергей Павлович. Я не ребёнок. Не нужно меня оберегать.
Он внимательно посмотрел на неё.
— Анна говорила то же самое.
— Что?
— Почти дословно.
Нина откинулась на спинку стула.
— Вы понимаете, как всё это выглядит? Незнакомая женщина оставляет мне дом. Мой муж пугается её имени. Вы смотрите на меня так, словно мы знакомы сто лет. И при этом все отказываются объяснять, что происходит.
— Ваш муж знает, что вы здесь?
— Да.

— И отпустил?
Нина усмехнулась.
— Я не спрашивала разрешения.
Сергей неожиданно улыбнулся.
Впервые по-настоящему.
И лицо его сразу стало моложе.
— Вот теперь узнаю.
Нина замерла.
— Кого?
Улыбка исчезла.
— Простите. Неудачно выразился.
— Нет, — тихо сказала она. — Хватит.
Она встала.
— Если вы не собираетесь ничего рассказывать, я найду гостиницу. Дом посмотрела. С документами разберусь позже.
Сергей тоже поднялся.
— Нина, подождите.
— Что?
Он провёл ладонью по седым волосам.
— Я обещал Анне, что сначала покажу вам дом.
— Вы показали.
— Не весь.
Он достал из кармана связку ключей.
На одном висел маленький деревянный брелок в форме рыбки.
— Наверху есть комната. Анна держала её закрытой последние несколько лет.
— Почему?
— Не знаю.
Нина посмотрела на него с недоверием.
Сергей вздохнул.
— Хорошо. Знаю. Но объяснить не могу.
— Опять?
— Пойдёмте. Вы сами увидите.
Лестница на второй этаж была узкой, деревянной. Ступени слегка поскрипывали под ногами.
Наверху находились три комнаты.
Первая — спальня с большой кроватью и окнами на море.
Вторая — небольшая мастерская. На столе лежали кисти, краски, незаконченные акварели.
Нина остановилась возле одной из картин.
На ней был изображён вокзал.
Старый, с часами над входом.
Под навесом стояла женщина с дорожной сумкой.
Лица не было видно.
Только светлое платье с мелкими цветами.
Нина почувствовала, как сердце начинает биться быстрее.
— Это Анна рисовала?
— Да.
— Когда?
— Несколько лет назад.

Нина подошла ближе.

Женщина на картине стояла спиной.

Но платье...

Точно такое же было на её фотографии, сделанной четырнадцатого июня две тысячи третьего года.

Она осторожно коснулась рамы.

— Сергей Павлович, вы знаете, кто здесь изображён?

— Думаю, да.

— Кто?

Он не ответил.

Нина повернулась к нему.

— Это я?

Мужчина посмотрел на картину.

— Анна никогда не называла её по имени.

— Но это я?

— Очень похоже.

Нина отступила на шаг.

Ей вдруг стало трудно дышать.

В комнате было прохладно, но на лбу выступил пот.

— Откуда у неё моя фотография?

— Не знаю.

— Не верю.

— Это ваше право.

Нина закрыла глаза.

Она вспомнила надпись на обороте старого снимка.

«Мы успели».

И вдруг ей стало ясно, что картина написана не по памяти.

Анна видела ту фотографию.

Может быть, даже держала её в руках.

Но как?

И зачем?

Сергей молча открыл последнюю дверь.

Комната была маленькой.

Почти пустой.

У окна стоял письменный стол, возле стены — узкий шкаф. На полу лежал светлый ковёр.

Никаких картин.

Никаких цветов.

Только большая пробковая доска над столом.

И фотографии.

Десятки фотографий.

Нина подошла ближе.

Сначала она увидела себя.

На одной фотографии ей было лет тридцать. Она выходила из супермаркета с пакетами. На другой — стояла возле школы, держа за руку маленькую дочь.

На третьей — сидела в кафе с подругой.

Были снимки с городских праздников, семейных прогулок, случайные кадры из социальных сетей.

И старые фотографии.

Очень старые.

На одной Нина стояла возле вокзала.
В том самом платье.
Четырнадцатого июня две тысячи третьего года.
Рядом с ней была другая девушка.
Темноволосая.
Со светлыми глазами.
Анна.
Нина вцепилась в край стола.
— Я её знала...
Слова прозвучали едва слышно.
Сергей стоял у двери.
— Вспомнили?
Нина покачала головой.
— Нет. Но это же я. И она.
На снимке две молодые женщины улыбались.
Анна обнимала Нину за плечи.
Они выглядели близкими подругами.
Нина смотрела на фотографию и чувствовала, как внутри поднимается паника.
Она не помнила этой женщины.
Совсем.
Ни имени.
Ни лица.
Ни встречи.
Ничего.
— Кто она была? — прошептала Нина.
Сергей подошёл ближе.
— Анна говорила, что вы познакомились за несколько дней до вашей поездки.
— Где?
— В городе. В одном маленьком кафе.
— Я не помню.
— Она знала, что не вспомните.
Нина резко повернулась.
— Почему?
Сергей молчал.
— Почему я не должна её помнить?!Он посмотрел на фотографии.
— Потому что после того июня вы многое забыли.
— Что значит «многое»?
— Анна утверждала, что у вас был очень тяжёлый период.
Нина покачала головой.
— Нет. Я всё помню. Мама заболела. Я осталась. Потом познакомилась с Виктором...
Она осеклась.
Всё помню.
Но ведь это было неправдой.
Она помнила события.
Даты.
Последовательность.
А вот сами дни — плохо.
Будто кто-то рассказал ей историю её собственной жизни, а она выучила её наизусть.

Нина опустилась на стул.
— Что со мной произошло?
Сергей присел напротив.
— Нина, я не врач. И не могу утверждать, что знаю всю правду.
— Но вы знаете больше меня.
— Да.
— Тогда расскажите.
Он долго смотрел на неё.
Потом достал из ящика стола небольшой конверт.
— Анна оставила это здесь. Сказала, что вы должны прочитать сами.
Нина взяла конверт.
Внутри лежала старая фотография.
На ней были трое.
Молодая Нина.
Анна.
И мужчина.
Высокий, темноволосый, улыбающийся.
Нина смотрела на него, пытаясь понять, почему лицо кажется таким знакомым.
Потом медленно подняла глаза.
Перед ней сидел тот же мужчина.
Только постаревший на двадцать три года.
Сергей Миронов.
На обороте фотографии была надпись:
«14 июня 2003 года. Последний день, когда мы ещё могли всё исправить».
Нина почувствовала, как земля уходит из-под ног.
— Это вы?
Сергей кивнул.
— Да.
— Мы были знакомы?
Он закрыл глаза.
Всего на секунду.
Когда открыл, в них стояли слёзы.
— Нина...
Он протянул руку, но она отстранилась.
— Ответьте.
Сергей опустил ладонь.
— Мы собирались пожениться.
В комнате стало очень тихо.
Нина смотрела на него, не понимая услышанного.
— Нет.
— Да.
— Это невозможно.
— Я знаю, как это звучит.
— Я никогда не была помолвлена до Виктора!
Сергей горько улыбнулся.
— Вы были. Просто не со мной.
Нина нахмурилась.
— Что?
Он посмотрел на фотографию.

— Мы собирались пожениться втроём.

Нина резко встала.

— Вы что, издеваетесь?!

— Нет. Простите. Я неправильно сказал.

Он тоже поднялся.

— Мы с вами собирались пожениться. А Анна должна была быть свидетельницей.

Нина тяжело дышала.

— Тогда почему я ничего не помню?

Сергей посмотрел в окно.

Море за стеклом было спокойным.

— Потому что четырнадцатого июня вы не просто не уехали в Приморск.

Он помолчал.

— Вы попали в аварию.

Нина почувствовала холод.

— Нет.

— Вас сбила машина возле вокзала.

— Нет...

— Вы провели почти три недели в больнице.

— Это неправда!

Она отступила к двери.

— Я была у мамы! Я помню!

Сергей не пытался её остановить.

— Ваша мать действительно лежала в больнице, Нина.

Он говорил тихо.

— Только не в качестве пациентки.

Нина замерла.

— Что?

— Она была рядом с вами.

Нина вышла из дома, не взяв сумку.

Она почти бежала по каменной дорожке, не замечая мокрых листьев под ногами.

Калитка оказалась незапертой.

За ней начиналась узкая дорога, спускавшаяся к морю.

Нина пошла вниз.

Быстро.

Потом ещё быстрее.

В голове стучала одна мысль.

Это ложь.

Она помнила свою жизнь.

Помнила свадьбу.

Рождение дочери.

Первую квартиру.

Мамины болезни.

Отцовские похороны.

Отпуска.

Работу.

Всё.

Но почему тогда она не могла вспомнить, как познакомилась с Виктором? Не обстоятельства, которые рассказывала всем знакомым.

А саму встречу.

Его лицо.
Голос.
Первый разговор.
Она знала историю.
Но не помнила её.
Нина остановилась возле старой каменной лестницы, ведущей к пляжу.
Села на ступеньку.
Внизу шумело море.
Телефон завибрировал.
Виктор.
Она смотрела на экран, пока звонок не прекратился.
Через минуту пришло сообщение.
«Ты уже в доме?»
Нина набрала ответ:
«Да».
Следующее сообщение появилось почти сразу.
«Ты видела Сергея?»
«Да».
Долгая пауза.
Потом:
«Что он тебе рассказал?»
Нина посмотрела на море.
И впервые в жизни решила солгать мужу.
«Пока ничего».
Виктор ответил мгновенно.
«Хорошо. Никуда не уходи. Я приеду завтра».
Нина медленно убрала телефон.
Она сидела на холодной ступеньке, пока ветер не начал пробираться под куртку.
Потом поднялась.
И пошла обратно.
Сергей ждал на террасе.
На столе стояли две чашки чая.
Одна уже остыла.
Он не стал спрашивать, куда она уходила.
Просто отодвинул стул.
Нина села напротив.
— Я хочу знать всё.
— Понимаю.
— И больше никаких загадок.
— Постараюсь.
Она посмотрела ему прямо в глаза.
— Вы сказали, что мы собирались пожениться.
— Да.
— Вы меня любили?
Сергей не отвёл взгляда.
— Очень.
— А я вас?
Он улыбнулся.
Так печально, что у Нины защемило сердце.

— Вы говорили, что любите.
Она посмотрела на свои руки.
Обручальное кольцо блеснуло на безымянном пальце.
— И что случилось после аварии?
Сергей долго молчал.
— Когда вы очнулись, вы меня не узнали.
Нина подняла глаза.
— Совсем?
— Совсем.
— А Анну?
— Тоже.
— Почему?
— Врачи говорили о последствиях травмы. О нарушениях памяти. О том, что воспоминания могут вернуться.
— И не вернулись?
— Нет.
Нина почувствовала, как к горлу подступает ком.
— Но почему вы не остались рядом? Почему не рассказали мне всё?
Сергей отвернулся.
— Потому что мне запретили к вам приближаться.
— Кто?
Он посмотрел на неё.
— Ваша мать.
Нина молчала.
— Она считала, что так будет лучше, — продолжил Сергей. — Что вам нужно начать заново. Без людей, связанных с тем временем.
— А Виктор?
Сергей опустил голову.
— Виктор появился позже.
— Он знал?
Мужчина долго не отвечал.
Наконец произнёс:
— Да.
Нина почувствовала, как внутри что-то оборвалось.
— Знал, что я потеряла память?
— Да.
— Знал про вас?
— Да.
— И женился на мне?
Сергей кивнул.
Нина медленно поднялась.
— Значит, он украл у меня жизнь.
Сергей тоже встал.
— Не всё так просто.
— А как?!

Она почти кричала.
— Двадцать два года! Я прожила с человеком двадцать два года! Родила ему дочь! А он всё это время знал, что я не помню собственного прошлого!

Сергей сделал шаг к ней.

— Нина, послушайте...

— Нет! Не надо меня успокаивать!

Она отвернулась к морю.

Слёзы текли по щекам, но Нина даже не пыталась их вытереть.

— А Анна? Почему она прожила мою жизнь?

Сергей не ответил.

Нина повернулась.

— Она была вашей женой?

Он медленно кивнул.

— Да.

Нина закрыла глаза.

Вот оно.

Наконец всё становилось понятным.

Анна заняла её место.

Вышла замуж за мужчину, которого любила Нина.

Жила в доме у моря.

Пила кофе из тех самых чашек.

Читала её любимые книги.

И теперь, умирая, решила вернуть ей то, что когда-то забрала.

Это было чудовищно.

И одновременно так просто, что Нине стало почти легче.

Она наконец нашла объяснение.

— Вы любили её? — спросила Нина.

— Да.

— Так же, как меня?

Сергей долго смотрел на неё.

— По-другому.

Нина горько усмехнулась.

— Удобный ответ.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаете.

Она взяла сумку, которую Сергей принёс из дома.

— Я останусь здесь сегодня. А завтра решу, что делать.

— Хорошо.

— И ещё.

— Да?

— Виктор приедет завтра.

Сергей побледнел.

— Он знает, что вы здесь?

— Да.

— Нина, вы не должны оставаться с ним наедине.

Она посмотрела на Сергея.

— Почему?

Он открыл рот, но ничего не сказал.

И Нина вдруг почувствовала знакомую усталость.

Снова тайны.

Снова недомолвки.

Снова мужчины, которые знают, что для неё лучше.

— Знаете что, Сергей Павлович? — сказала она. — Я устала бояться того, чего не понимаю.

Она вошла в дом и закрыла дверь.

Вечером Нина долго ходила по комнатам.

Дом постепенно переставал казаться чужим.

Она открывала шкафы, рассматривала книги, трогала старые фотографии.

В спальне Анны нашла коробку с украшениями.

Ничего дорогого.

Серебряные серьги.

Браслет из деревянных бусин.

Несколько колец.

И маленькая брошь в форме птицы.

Нина взяла её в руки.

На обратной стороне была гравировка:

«За смелость быть собой».

Она долго рассматривала брошь.

Потом положила обратно.

На прикроватной тумбочке стояла фотография Анны и Сергея.

Они сидели на пляже.

Анна смеялась, запрокинув голову.

Сергей смотрел на неё.

С нежностью.

Настоящей.

Нина вдруг почувствовала не ревность, а странную печаль.

Эта женщина действительно была счастлива.

По крайней мере, в тот момент.

И Сергей действительно любил её.

Нина поставила фотографию обратно.

Потом заметила тонкую тетрадь, лежавшую между книгами.

На обложке было написано:

«Для Нины. Если она всё-таки приедет».

Нина села на кровать.

Открыла первую страницу.

Почерк был аккуратный, немного наклонённый вправо.

«Нина,

если ты читаешь это, значит, Сергей уже рассказал тебе свою версию. Наверное, он сказал, что мы были подругами. Что ты любила его. Что после аварии потеряла память, а я заняла твоё место.

Он не солгал.

Но и правды не сказал.

Потому что сам до сих пор не знает самого главного.

Я не украла у тебя Сергея.

Я спасла его от тебя».

Нина перестала дышать.

Она перечитала последние слова.

Потом ещё раз.

За окном ударил ветер.

Где-то внизу хлопнула незакрытая ставня.

Нина перевернула страницу.

И увидела фотографию.
На ней была она сама.
Молодая.
В больничной палате.
С перевязанной головой.
Рядом стоял Виктор.
А на руках у Нины был маленькая девочка.
На обороте фотографии значилась дата:
2 июля 2003 года.
Нина почувствовала, как кровь отливает от лица.
Её дочь родилась в две тысячи пятом.
Она точно это знала.
Тогда кто был этот ребёнок?
И почему никто никогда не рассказывал ей о нём?
Нина перевернула следующую страницу.
Там была всего одна строка.
«Прежде чем ненавидеть нас, Нина, вспомни, что ты сама попросила сделать с девочкой».

Глава 3. Девочка без имени

Нина прочитала последнюю строчку трижды. Слова оставались на месте, но смысл ускользал, словно она смотрела на них сквозь мутное стекло.

«Вспомни, что ты сама попросила сделать с девочкой».

Она перевернула фотографию. Второе июля две тысячи третьего года. Дата была выведена синими чернилами, округлыми цифрами. В больничной палате молодая Нина сидела на кровати, укрытая до пояса одеялом. На руках у неё лежал свёрток. Лица ребёнка почти не было видно — только маленький нос и тёмная полоска волос под краем пелёнки. Виктор стоял рядом, опустив руку на спинку кровати.

Виктор. В две тысячи третьем.

По семейной истории они познакомились осенью того года, на дне рождения общей знакомой. Нина рассказывала об этой встрече десятки раз: он принёс огромный букет белых хризантем, она пролила на его рубашку красное вино, они смеялись. История была уютной, отшлифованной годами. И вдруг выяснялось, что она не помнит ни запаха цветов, ни вкуса вина, ни самой рубашки. Помнит только слова, которые привыкла произносить.

Нина положила снимок на колени и снова открыла тетрадь.

На следующей странице Анна написала: «Если ты испугалась, закрой тетрадь. Выпей воды. Посмотри в окно. Я не хочу причинять тебе боль, хотя уже причиняю. Мне нужно, чтобы ты дочитала до конца — но не сегодня и не через силу».

Дальше стояла дата: 18 августа, без года. И одна короткая запись: «У Сергея своя правда. У Виктора — своя. У меня тоже. Ни одна из них не заменит твою».

Остальные страницы оказались пустыми.

Нина перелистала тетрадь до конца, встряхнула её, надеясь найти вложенный лист. Ничего. Только на заднем форзаце карандашом был написан номер телефона и два слова: «Лидия Андреевна».

Нина не знала никакой Лидии Андреевны. Или знала и забыла.

Она достала мобильный и набрала номер. Длинный гудок, второй, третий. Потом женский голос, осторожный и негромкий:

— Слушаю.

— Здравствуйте. Меня зовут Нина Сергеева. Мне оставили ваш номер в тетради Анны Рябининой.

На том конце стало тихо. Нина услышала, как где-то далеко звякнула посуда.

— Анна умерла? — спросила женщина.

— Да. Простите, я думала, вы знаете.

— Я знала, что она больна. Она перестала отвечать на звонки в июле. Я надеялась, что уехала лечиться.

Голос осип.

— Вы знали её хорошо? — осторожно спросила Нина.

— Когда-то. Кто вы, говорите?

— Нина Сергеева. Она оставила мне дом.

— Господи, — прошептала женщина.

Нина прижала телефон крепче.

— Вы знаете, кто я?

— Знаю, кто вы были. А кем стали — нет. Мы не виделись больше двадцати лет.

— Я не помню вас.

— Анна предупреждала, что так может быть.

Нина закрыла глаза. Ей хотелось услышать наконец хоть одну простую фразу без оговорок.

— Скажите, кто был ребёнок на фотографии второго июля две тысячи третьего года?

На том конце снова замолчали.

— Откуда у вас эта фотография?

— Из тетради Анны.

— Нина, по телефону я ничего не скажу.

— Почему все повторяют одно и то же? — Голос у неё сорвался. — Вы хотя бы понимаете, что я чувствую? Я только что узнала, что двадцать три года моей жизни могли быть построены на лжи!

— Понимаю больше, чем вам кажется, — ответила Лидия Андреевна. — Но фотография не всегда доказывает то, что мы на ней видим.

— Ребёнок был мой?

Женщина шумно выдохнула.

— Я могу приехать завтра после обеда. Вы в доме Анны?

— Да.

— Тогда ждите меня. И, пожалуйста, никому не отдавайте тетрадь.

— Даже Сергею?

— Особенно Сергею.

Связь оборвалась.

Нина ещё долго сидела неподвижно. За окном ветер пригибал ветви яблони. На стекле выступали редкие капли дождя. Дом, который днём показался ей почти родным, вдруг наполнился чужими голосами, недосказанными признаниями и отсутствием женщины, придумавшей для неё эту странную дорогу.

Она закрыла тетрадь и спрятала её в подкладку дорожной сумки, где ткань немного отошла по шву. Сделала это прежде, чем успела подумать, почему прячет вещь в доме, который теперь принадлежит ей.

* * *

На кухне часы показывали половину девятого. Нина не ела с утра, но голода не чувствовала. Она открыла холодильник: молоко, яйца, масло, банка горчицы. В стеклянной миске лежали три яблока. На дверце висел листок, прикреплённый магнитом в форме маяка.

«Хлеб — в морозилке. Чай — в верхнем ящике. Не забудь поесть».

Почерк был тот же, что в тетради.

Анна готовилась к её приезду. Не просто оставила наследство и письмо — предусмотрела хлеб, чай, тёплое одеяло в шкафу и даже записку на холодильнике. Нина неожиданно почувствовала к ней злость. Невыносимую, почти детскую. Нельзя так заботиться о человеке и одновременно рушить всё, на чём держится его жизнь.

Она нашла хлеб, поджарила два ломтика на сухой сковородке и поставила чайник. Пока вода нагревалась, оглядела кухню. На крючке возле плиты висел синий фартук. У него был вытерт край кармана — след привычного движения руки. На столешнице остались неглубокие царапины. Здесь годами резали овощи, раскатывали тесто, проливали чай. Здесь не ждали великой тайны. Здесь просто жили.

Нина вдруг представила Анну зимним вечером. Та возвращается с рынка, стряхивает снег с ботинок, ставит чайник, зовёт Сергея. Он приходит или не приходит — водитель говорил, что она жила одна. Возможно, после развода. Возможно, Сергей был тем мужчиной, который продолжал приезжать. Нина поймала себя на том, что пытается сложить чужой брак из обрывков, как собственный — из рассказов Виктора.

Телефон зазвонил снова.

На экране высветилось: «Маша».

Нина ответила сразу.

— Мам, ты где? — спросила дочь без приветствия.

— В Приморске. Я же писала.

— Папа сказал, ты уехала из-за какого-то наследства и не берёшь трубку. Вы поссорились?

— Мы поговорили не очень удачно.

— Это мягко сказано. Он три раза звонил мне за вечер. Спрашивал, не рассказывала ли ты мне о какой-то женщине.

Нина села за стол.

— О какой?

— Не знаю. Он назвал имя, но я забыла. Мам, что происходит?

Нина посмотрела на пар над чайником. Ей очень хотелось сказать дочери всё. Про фотографии, Сергея, больницу, девочку на руках. И тут же захотелось уберечь Машу от вопросов, на которые сама не имела ответов.

— Мне достался дом от человека, которого я почти не помню, — сказала она наконец. — Я приехала разобраться. Пока это всё, что я знаю точно.

— А папа?

— Папа знает больше, чем говорит.

Маша помолчала.

— Знаешь, он сегодня странно себя вёл. Спрашивал, не остались ли у бабушки какие-то коробки с документами.

— У бабушки? У моей мамы?

— Да. Сказал, что там могут быть старые семейные бумаги.

У Нины неприятно сжалось горло. После смерти матери они разобрали квартиру вместе с Виктором. Большую часть бумаг он отвёз в архивный шкаф на даче. Она не проверяла. Не было сил: похороны, работа, бесконечные формальности.

— Машенька, — сказала Нина, стараясь говорить ровно, — если папа ещё спросит о документах, скажи, что ничего не знаешь. И сама пока не ищи.

— Мам, ты меня пугаешь.

— Прости. Я не хочу тебя пугать. Просто мне нужно кое-что проверить.

— Ты в безопасности?

Нина оглядела пустую кухню. За окном скрипнула ветка.

— Да. Я в хорошем доме, у моря.

— Тогда позвони завтра. И не молчи, ладно?

— Обещаю.

Когда разговор закончился, Нина обнаружила, что чайник давно вскипел. Она налила чай и попробовала тост. Хлеб был тёплый, с хрустящей корочкой. Её удивило, что можно есть, когда привычный мир разваливается. Можно чувствовать вкус масла, слышать дождь и беспокоиться, не оставила ли ты свет в прихожей.

Наверное, именно так люди и переживают катастрофы: сначала делают самые обычные вещи.

* * *

Спать Нина легла в комнате с видом на сад. Спальня Анны казалась слишком личной, а внизу диван был узкий. Она долго расправляла простыню, открывала и закрывала окно, слушала, как где-то в стене потрескивает дерево. На тумбочке нашла старую открытку с изображением маяка. С обратной стороны — всего три слова: «Тебя здесь ждали».

Нина перевернула открытку картинкой вверх.

Ближе к полуночи ей приснился вокзал.

Она стояла под навесом в светлом платье с мелкими цветами. Вокруг ходили люди с чемоданами, пахло раскалённым железом и дешёвыми духами. Кто-то звал её по имени, но голос доносился из-за толстой стены. Нина держала в руке бумажный билет и никак не могла прочитать станцию назначения. Чернила расплывались. Потом кто-то коснулся её локтя, и она обернулась.

Перед ней была Анна — молодая, с короткой стрижкой и зелёным шарфом. Она не улыбалась.

«Ты обещала, — сказала Анна. — Ты ведь обещала».

Нина проснулась с криком.

За окном уже светало. На стекле дрожали полосы дождя. Часы показывали шесть пятнадцать.

Она сидела, прижав колени к груди, и пыталась отделить сон от воспоминания. На фотографии Анна была с длинными волосами. Откуда взялась короткая стрижка? А зелёный шарф?

Может быть, мозг сам дорисовал то, чего не хватало. Нина слышала, что память легко обманывает человека. Но никогда прежде не думала, что её собственная память может стать главным свидетелем, которому нельзя доверять.

Она поднялась и пошла на кухню за водой. На пороге заметила под дверью белый конверт.

Никакой марки. Никакого адреса.

Только одно слово: «Нине».

Она подняла конверт. Бумага была влажной по краю. Значит, его просунули недавно, когда дождь уже начался.

Внутри лежал сложенный вдвое листок.

«Не спрашивай Сергея о ребёнке. Спроси, почему он до сих пор хранит красную папку».

Ни подписи, ни пояснений.

Нина распахнула дверь. Дорожка к калитке блестела от дождя. В саду никого не было. На улице проехал грузовичок, тяжело перевалившись через яму.

Она вышла на террасу босиком. Холодные доски заставили её вздрогнуть. За забором мелькнул чей-то зонт, но человек уже сворачивал за угол.

Красная папка.

Анна в письме говорила о своей правде. Лидия Андреевна велела никому не отдавать тетрадь. Неизвестный отправитель предупреждал о Сергее. Каждый словно держал по одному кусочку прошлого и боялся, что Нина соберёт их без разрешения.

Впервые за двое суток она почувствовала не страх, а злость, которая помогала думать.

Если папка существует, её можно найти.

Если в больнице лежала она, должны остаться записи.

Если ребёнок родился второго июля, где-то должна быть регистрация. И если Виктор знал её до осени, он не сможет бесконечно отрицать фотографию.

Нина вернулась в дом, вытерла ноги полотенцем и достала блокнот. На первой странице написала: «Что я знаю наверняка».

Потом задумалась.

Наконец вывела четыре пункта: «Анна умерла. Дом завещан мне. Виктор знает Сергея. На фотографии я держу ребёнка». Последнюю строку перечеркнула и написала точнее: «На фотографии женщина, очень похожая на меня, держит ребёнка».

От этого уточнения стало не легче. Но немного спокойнее.

* * *

Сергей пришёл около девяти. Нина услышала, как он открыл калитку, затем негромко постучал в дверь. В руках у него был бумажный пакет с булочками и баночка мёда.

— Доброе утро. В пекарне сегодня свежие ватрушки. Анна их любила.

— Я не Анна, — сказала Нина.

Он остановился.

— Знаю. Простите.

Она пропустила его в дом. Сергей снял мокрую куртку, аккуратно поставил ботинки у коврика. Нина заметила, как привычно он двигается по кухне: без вопроса достал блюда из нужного шкафа, нашёл нож, поставил чайник. Человек, который знает дом наизусть.

— Вы здесь жили? — спросила она.

— Первые годы. Потом мы с Анной разъехались.

— Но не развелись?

— Развелись. В две тысячи четырнадцатом.

Нина села напротив.

— Почему?

— Потому что люди иногда остаются близкими, даже когда больше не могут жить вместе.

— Удобная формулировка.

— Не очень. Мы долго учились произносить её без обиды.

Он разрезал ватрушку пополам и подвинул к Нине. Она не притронулась.

— Сергей, — сказала она, — кто был ребёнок на фотографии?

Он опустил нож.

— Я надеялся, что вы сначала поговорите с Лидией Андреевной.

Нина вздрогнула.

— Откуда вы знаете, что я ей звонила?

— Не знаю. Но Анна говорила, что оставит вам её номер.

— Вы всё время ссылаетесь на Анну. А сами что думаете?

Сергей потёр переносицу.

— Я думаю, что двадцать три года назад произошло нечто, после чего каждый из нас стал жить так, как смог. И ни у кого не получилось хорошо.

— Вы можете отвечать прямо?

— Попробую.

— Ребёнок мой?

Он посмотрел ей в лицо.

— Я не знаю.

Нина почти рассмеялась.

— На фотографии вы не присутствуете. В палате Виктор. Откуда вообще взялась эта девочка?

— Когда вы попали в больницу, я не знал ни о каком вашем ребёнке. Мы планировали свадьбу, но о детях не говорили. Через несколько недель Анна сказала, что вы держали в палате девочку. Я решил, что это могла быть ваша дочь. Потом она показала мне копию фотографии. Теперь понимаю, что сделал вывод из снимка, который ничего такого не доказывал.

— И вы не выяснили?

— Пытался. Меня не пустили в отделение. Вашей матери я был не нужен. А когда вас выписали, вы уехали. Адрес мне не дали.

— Вы могли найти меня.

— Мог. И нашёл. Через полгода.

— Что было потом?

Сергей смотрел на собственные руки.

— Я увидел вас на остановке. Вы были с Виктором. Он поправил вам шарф, вы засмеялись. Я хотел подойти, но вы посмотрели на меня как на незнакомца. Тогда я понял, что память не вернулась.

— И ушли?

— Да.

Нина почувствовала горечь.

— Выходит, вы просто решили за меня.

— Выходит, так. Я много лет пытался придумать этому поступку благородное объяснение. Не нашёл.

Она впервые услышала от него слова без оправданий. Это не делало прошлое понятнее, но почему-то смягчило злость.

— А Анна?

— Она не уходила. Она пыталась связаться с вашей матерью, писала письма. Потом мы с ней сблизились. Не сразу, Нина. Не потому, что она заняла ваше место. Мы оба были одиноки, и однажды оказалось, что разговаривать друг с другом нам легче, чем с кем-либо ещё.

Он посмотрел на окно, за которым светлело небо.

— В какой-то момент я полюбил её. Это не было продолжением нашей истории с вами. Это была другая история. Со своими ошибками.

Нина кивнула. Ей хотелось ненавидеть Анну, но всё труднее было представить её простой похитительницей чужого счастья. Люди не так устроены. Они не могут двадцать лет прожить чужой жизнью, не превратив её в свою.

— У вас есть красная папка? — спросила Нина.

Сергей замер. Его лицо изменилось так заметно, что ответ стал очевиден прежде слов.

— Кто вам о ней сказал?

— Значит, есть.

— Нина, откуда вы знаете?

— Нашла записку под дверью.

Сергей резко встал и подошёл к окну.

— Покажите.

Она протянула листок. Он прочёл его, перевернул, посмотрел на бумагу против света.

— Это не почерк Анны.

— Я заметила.

— Кто-то был здесь ночью?

— Наверное. Вы не ответили о папке.

Сергей вернул записку.

— Она у меня. В кабинете, дома.

— Что внутри?

— Копии документов. Письма. То, что я собирал после аварии.

— Почему не привезли?

— Потому что там есть вещи, которых я сам до конца не понимаю.

— Я хочу их видеть.

Он кивнул.

— Привезу сегодня.

Нина долго смотрела на него.

— Не выбирайте за меня, что показывать. Вы уже один раз так сделали.

Сергей выдержал её взгляд.

— Хорошо.

* * *

После его ухода Нина решила осмотреть мастерскую Анны внимательнее. Ей нужен был не очередной тайник, а ощущение человека, который здесь жил. На столе стояла банка с кистями, засохшими у основания. В углу — холсты, прислонённые к стене. На некоторых были морские пейзажи, на других — люди, изображённые со спины. Лица Анна почти не рисовала.

Под окном Нина нашла папку с набросками. Среди рисунков лежала акварель: маленькая девочка в красном пальто стоит у воды и держит в руках бумажный кораблик. Лица не видно. На обороте было написано: «Ей могло бы исполниться десять».

Нина пересчитала в уме. Если девочка родилась в две тысячи третьем, десять ей исполнилось бы в две тысячи тринадцатом. Но рисунок не был датирован. И слово «могло» звучало страшнее любой даты.

Она поставила акварель на стол. Пальцы дрожали.

В мастерской было большое окно, и теперь, когда дождь кончился, море казалось почти белым. Солнце пробивалось сквозь тучи. В саду кричала птица. Нина открыла створку и глубоко вдохнула влажный воздух.

Она не знала, что произошло с ребёнком. Но вдруг поняла, что боится не только смерти неизвестной девочки. Она боялась возможности, что ребёнок был жив — где-то рос, учился ходить, говорить, влюблялся, а Нина ничего о нём не знала.

И ещё сильнее боялась последней строчки Анны: «Ты сама попросила».

Что мог попросить человек, потерявший память и только что переживший аварию? Можно ли считать его решение свободным? А если память вернулась хотя бы на минуту — что она увидела, чтобы произнести такую просьбу?

Нина взяла телефон и нашла в контактах номер Виктора. Большой палец задержался над зелёной кнопкой вызова. Она могла потребовать объяснений сейчас, пока он не приехал. Могла отправить снимок и спросить прямо. Но Виктор уже удалял сообщения и пытался управлять её разговорами. Если дать ему время, он приготовит ответ.

Она положила телефон обратно.

Впервые за долгие годы Нина решила, что не обязана сообщать мужу всё, что знает.

* * *

Лидия Андреевна приехала раньше, чем обещала. Было чуть больше часа, когда у калитки остановилось старое серебристое такси. Из машины вышла невысокая женщина в тёмно-синем плаще. Её седые волосы были собраны в пучок, а в руках она держала плоскую сумку с потёртыми ручками.

Нина вышла навстречу.

— Лидия Андреевна?

Женщина кивнула. Несколько секунд она смотрела на Нину, не скрывая волнения.

— Вы почти не изменились, — сказала она наконец. — Только глаза стали другими.

— В те годы я работала акушеркой в городской больнице и по совместительству консультировала центр «Берег». Когда вас привезли после аварии, меня попросили помочь с оформлением документов. Позже я перешла в другое отделение.

— Я работала акушеркой в больнице, куда вас привезли после аварии. Потом перешла в другое отделение.

Нина ощутила, как внутри всё напряглось.

— Значит, вы видели ребёнка.

— Видела.

Они вошли в дом. Лидия Андреевна отказалась от чая, сняла плащ и положила сумку на колени, словно боялась выпустить её из рук.

— Сначала я должна вам кое-что объяснить, — сказала она. — Я не могу восстановить события по памяти с точностью до минуты. И не имею права показывать чужие медицинские документы. Но то, что касается меня лично, я могу рассказать.

Нина села напротив.

— Расскажите.

— Вас привезли после столкновения с автомобилем. Травма головы, сильные ушибы. Сначала вы были без сознания. Позже появились провалы в памяти. Вы путались в датах, не узнавали людей. Это я помню хорошо.

— Я была беременна?

Лидия Андреевна сложила руки.

— Когда я впервые вас увидела, вы лежали в палате после тяжёлой травмы. Никаких сведений о ваших родах у меня не было.

Нина смотрела на неё.

— Тогда откуда вы знаете, что ребёнок мой?

— Я этого не говорила.

В комнате стало тихо.

— На фотографии я держу маленькую девочку.

— Да.

— Виктор рядом.

— Да.

— Кто дал мне ребёнка?

Лидия Андреевна посмотрела в сторону двери, словно проверяла, не стоит ли там кто-то.

— В тот день в отделении произошла неприятная история. Молодая женщина привезла девочку и попросила разрешения показать её вам. Сказала, что вы должны увидеть ребёнка, иначе не поверите.

— Какая женщина?

— Анна.

Нина медленно выдохнула.

— Анна принесла девочку?

— Да.

— Чью?

— Этого я не знаю. Девочка была совсем маленькой, примерно полутора лет. Анна говорила, что всё согласовано с семьёй. Но потом появился мужчина и потребовал прекратить встречу.

— Виктор?

— Нет. Другой. Я его не знала.

Нина придвинулась ближе.

— Сергей?

— Не уверена. Лица я почти не видела. Он стоял в коридоре, спиной к нам.

— А Виктор?

— Он приехал позже. Именно тогда кто-то сделал фотографию.

Нина попыталась представить больничную палату: молодая женщина после травмы, ребёнок на руках, Анна у двери, незнакомый мужчина в коридоре, Виктор рядом. Она видела сцену как театральную постановку, в которой все знали свои реплики, кроме неё.

— Что я сказала, когда увидела девочку?

Лидия Андреевна медленно открыла сумку и достала небольшой бумажный конверт.

— Я долго не решалась вам это отдавать. Анна просила хранить, пока вы не приедете сами.

Внутри лежал листок из старого блокнота. Бумага пожелтела по краям. На ней было написано всего несколько строк, неровно, с сильным нажимом:

«Не отдавайте её ему. Пожалуйста. Я не могу объяснить. Если забуду — пусть Анна знает, что я просила».

Под текстом стояла подпись: «Нина».

Нина смотрела на буквы. Почерк был похож на её собственный, но более угловатый. Буква «д» имела тот же длинный хвостик, каким она писала в молодости.

— Это я написала?

— При мне. Вы попросили бумагу и ручку. Руки у вас дрожали.

— Кому нельзя было отдавать ребёнка?

— Вы не сказали.

— А кто был «он»?

— Этого я тоже не знаю.

Нина сжала листок так крепко, что он едва не порвался.

— И вы ничего не сделали?

Лидия Андреевна побледнела.

— Я передала записку старшей медсестре. Думала, что вопрос решат врачи и родственники. Потом меня перевели на другую смену. Когда вернулась, девочки уже не было.

— А я?

— Вы спали. После пробуждения спросили, почему у вас болят руки. О ребёнке не говорили.

Лидия Андреевна подняла глаза.

— Мне было двадцать восемь. Я боялась потерять работу. Мне сказали не вмешиваться в семейные дела. И я послушалась. Это был мой выбор, Нина. Плохой. Я не прошу меня прощать.

Нина не знала, что ответить. Ей хотелось обвинить эту женщину, Виктора, Сергея, Анну, мать — всех, кто тогда находился рядом. Но перед ней сидел живой человек с морщинами у глаз, с потёртой сумкой и виной, которую он носил больше двух десятилетий.

— Почему Анна не рассказала мне сама? — спросила Нина.

— Я задавала ей этот вопрос. Она говорила, что ждёт, пока сможет доказать, что случилось после больницы. И что без доказательств вы только потеряете доверие ко всем сразу.

— Она нашла доказательства?

— Думаю, да. За месяц до смерти позвонила мне и сказала: «Теперь Нина сможет выбирать сама». Больше мы не разговаривали.

Нина посмотрела на листок.

«Не отдавайте её ему».

Ей было страшно оттого, что эти слова не раскрывали тайну, а делали её ещё шире.

* * *

Лидия Андреевна ушла ближе к четырём. Перед уходом она обняла Нину — осторожно, словно спрашивая разрешения. Нина не ответила на объятие, но и не отстранилась.

Когда калитка закрылась, Нина поднялась в мастерскую и положила записку рядом с рисунком девочки в красном пальто. Два листка бумаги. Один — просьба, которую она, возможно, написала сама. Второй — чужая память о ребёнке, которого она не помнила.

Внизу послышался автомобиль.

Нина подошла к окну. Возле дома остановилась тёмная машина Сергея. Он вышел, держа под мышкой красную папку. Даже с высоты второго этажа она увидела, как сильно выплел картон по краям.

Он вошёл без привычной улыбки.

— Я привёз всё, что обещал.

На кухонном столе папка выглядела непримечательно. Дешёвые завязки, согнутый угол, надпись чёрным фломастером: «ИЮНЬ 2003».

Сергей не пытался её открыть.

— Я подожду снаружи, — сказал он. — Вам лучше прочитать одной.

— Нет. Останьтесь. Если будут вопросы, я хочу видеть ваше лицо.

Он сел у окна.

Нина развязала тесёмки. Внутри лежали копии справок, газетная вырезка о дорожной аварии, несколько писем без конвертов, квитанции за частные поездки и фотография повреждённого автомобиля. На газетной вырезке было написано, что водитель скрылся с места происшествия, а пострадавшую доставили в городскую больницу.

— Водителя нашли? — спросила Нина.

— Официально нет.

— А неофициально?

— Анна была уверена, что знает, кто сидел за рулём. Но доказать не смогла.

Нина листала документы дальше. Один из листов был исписан мелким почерком Сергея. Список дат, имён, телефонных номеров. Возле нескольких строк стояли вопросительные знаки.

В самом конце лежала копия свидетельства о рождении. Нина взяла её, уже приготовившись увидеть собственную фамилию.

Но в графе «мать» стояло другое имя.

Анна Рябинина.

В графе «отец» — прочерк.

Дата рождения: 29 июня 2003 года.

Имя ребёнка: Елизавета.

Нина долго смотрела на бумагу.

— Значит, девочка была Анниной?

— По документам — да, — ответил Сергей.

— А на самом деле?

— Не знаю.

— Вы были её мужем. Вы знали, что у неё есть дочь?

Сергей поднял на неё глаза.

— Когда мы поженились, Анна сказала, что ребёнок умер вскоре после рождения.

Нина ощутила знакомый холод в груди.

— Вы поверили?

— Тогда — да. Позже начал сомневаться.

— Почему?

Сергей указал на нижний край свидетельства. Там карандашом была написана дата, гораздо более поздняя: «17.09.2019». И рядом — одно слово: «Найдена?»

— Анна искала девочку? — спросила Нина.

— Все эти годы. Я узнал об этом только после нашего развода.

— И не спросили зачем?

— Спросил. Она сказала: «Потому что однажды я обещала её не отдавать».

Нина положила документ на стол. В памяти всплыли слова из её собственной записки. Те же самые слова — почти дословно.

Она посмотрела на Сергея.

— Вы ведь понимаете, что это значит?

— Понимаю, что у нас есть две женщины, которые обещали защитить одного ребёнка.

Но я не знаю, от кого.

В этот момент за окном хлопнула автомобильная дверца.

Нина вздрогнула. На дорожке появился Виктор. Он шёл быстро, неся небольшой чемодан, и смотрел прямо на окна кухни.

— Он обещал приехать завтра, — сказала она.

Сергей встал.

— Видимо, передумал.

Виктор остановился у калитки. Несколько секунд он смотрел на дом, потом достал телефон.

У Нины зазвонил мобильный.

Она не ответила.

Виктор поднял голову и увидел Сергея в окне. Его лицо словно окаменело. Он бросил чемодан возле забора и пошёл к дому.

— Не открывайте, — тихо сказал Сергей.

Нина посмотрела на него. Потом на красную папку, на копию свидетельства, на собственную записку с просьбой защитить девочку.

— Нет, — сказала она. — Я открою.

Она вышла в прихожую, повернула ключ и распахнула дверь.

Виктор стоял на пороге, мокрый от внезапно начавшегося дождя. Он уже приготовил слова — Нина видела это по напряжённому рту и привычно виноватому выражению глаз. Но, заметив у неё в руках свидетельство, он замолчал.

— Ты знал про Елизавету? — спросила Нина.

Виктор медленно опустил взгляд на бумагу.

— Где ты это взяла?

— Ответь.

Он посмотрел через её плечо. Сергей стоял у кухни, неподвижный, бледный.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — произнёс Виктор.

— Возможно. Поэтому и спрашиваю.

Виктор провёл ладонью по лицу. На секунду он показался ей не грозным и не властным, а страшно уставшим человеком.

— Нина, — сказал он, — если ты сейчас произнесёшь это имя при Маше, мы потеряем обеих.

Она не сразу поняла, что услышала.

— Обеих кого?

Виктор закрыл глаза.

И в наступившей тишине Нина впервые заметила, что он боится не Сергея, не папки и даже не её вопросов.

Он боится ответа.

Глава 4. Две дочери

— Обеих кого? — повторила Нина.

Виктор стоял на пороге, и вода с его куртки капала на светлые доски. Раньше Нина непременно принесла бы полотенце, велела снять мокрую обувь, поставила чайник. За двадцать два года она научилась замечать его неудобства раньше собственных. Теперь она смотрела только на его лицо.

— Машу и... — начал он, но осёкся.

— И Елизавету?

Он вздрогнул. Так едва заметно, что посторонний не обратил бы внимания. Нина заметила.

— Войди, — сказала она. — И не пытайся больше увести разговор в сторону.

Виктор переступил порог. Увидев Сергея, он остановился.

— Ты всё-таки привёз папку.

— Она имеет право её видеть, — ответил Сергей.

— Ты понятия не имеешь, на что она имеет право.

— А ты, значит, имеешь? — спросила Нина.

Виктор снял куртку, повесил на крючок и тщательно расправил воротник. Даже сейчас он не мог оставить вещь висеть неаккуратно. Нина смотрела на его руки. Эти руки завязывали Маше шнурки, собирали мебель в их первой квартире, держали Нину после смерти матери. Они же, возможно, годами прятали от неё правду.

На кухне Виктор сел, не дожидаясь приглашения. Сергей остался возле окна. Между ними было слишком много знакомого молчания, чтобы поверить в их случайное знакомство.

— Скажи сначала, — попросила Нина, — ты знал Анну до нашей свадьбы?

— Да.

— И Сергея?

— Да.

— И про аварию?

— Да.

Она ждала привычного «но». Виктор его не произнёс.

— Тогда почему ты рассказывал мне, что мы познакомились позже?

— Потому что ты не помнила. Врачи сказали, что не надо заставлять тебя вспоминать через силу.

— Врачи сказали не заставлять. А ты решил вообще ничего не рассказывать?

— Я боялся, что ты снова окажешься в больнице.

— Ты боялся за меня или за себя?

Виктор опустил взгляд на красную папку.

— За всех.

Нина положила перед ним копию свидетельства.

— Кто такая Елизавета Рябина?

— Дочь Анны.

— Это я уже прочитала. Где она сейчас?

Виктор сжал пальцы в замок.

— Я не знаю наверняка.

— Ты только что сказал, что мы можем потерять обеих.

— Потому что одно неосторожное слово может разрушить жизнь Маши. И жизнь другой девушки, если она жива.

Нина почувствовала, как в ней поднимается глухое отчаяние. Даже теперь он говорил о последствиях её вопросов, а не о том, что произошло.

— Я хочу услышать не предупреждение. Я хочу услышать события. По порядку.

Виктор взглянул на Сергея.

— Пусть он выйдет.

— Нет, — сказала Нина. — Он останется. Вы оба слишком долго разговаривали обо мне без меня.

Сергей медленно сел напротив Виктора.

— Начинай, — произнёс он.

* * *

Виктор говорил неохотно. Иногда замолкал посреди фразы, будто проверял, сколько можно сказать, не выдав лишнего. Нина перестала подгонять его. Она записывала даты на обороте рекламного буклета, найденного возле чайника.

В июне две тысячи третьего Виктор работал в фирме, обслуживавшей частную клинику и несколько городских больниц. Он занимался договорами, закупками, перевозками оборудования. Нина прежде знала только то, что до перехода в нынешнюю компанию он «работал в медицине». Ей никогда не приходило в голову уточнить, что это значило.

— В день аварии меня вызвали в больницу, — сказал он. — Нужно было срочно доставить документы. Там я и увидел тебя.

— Сразу после аварии?

— Через несколько часов.

— И ты решил жениться на незнакомой женщине?

— Конечно, нет. Нина, между тем днём и нашей свадьбой прошло больше года.

Она посмотрела на него. Это было верно. Но ещё недавно он утверждал, что увидел её впервые значительно позже.

— Кто попросил тебя остаться рядом?

Виктор помедлил.

— Твоя мать.

— Она тебя знала?

— До аварии — нет. Мы познакомились в больнице. Она была одна, испуганная. Ей нужен был человек, который мог помочь с врачами и документами.

— И ты помогал просто так?

— Сначала да.

— А потом?

Он устало потёр лицо.

— Потом я к тебе привязался.

Нина не знала, что ранило сильнее: возможность того, что он лжёт, или вероятность, что в этой части говорит правду. Человек мог любить и одновременно совершить непоправимое. От этой мысли мир не становился проще.

— А ребёнок? — спросила она.

Виктор повернулся к окну.

— Анна привезла девочку. Она утверждала, что это её дочь, но боялась отдавать её человеку, который требовал забрать ребёнка.

— Какому человеку?

— Я не знаю его имени.

Сергей резко поднял голову.

— Ты лжёшь.

— Я сказал то, что знаю.

— Ты был рядом, когда Анна исчезла с девочкой. Ты помогал оформлять бумаги.

— Я помогал больнице, а не Анне.

— Хватит, — сказала Нина.

Она не повысила голос, но оба мужчины замолчали.

— Виктор, почему на фотографии я держу чужого ребёнка?

— Анна сама попросила дать тебе девочку. Сказала, что ты узнаешь её.

— Узнала?

— Ты заплакала. Потом написала записку.

Нина достала пожелтевший листок, переданный Лидией Андреевной, и положила рядом со свидетельством.

«Не отдавайте её ему».

Виктор посмотрел на почерк. На этот раз он не пытался скрыть потрясение.

— Откуда это у тебя?

— Женщина, которая была рядом, сохранила. В отличие от вас всех.

Он осторожно коснулся края бумаги, но Нина отодвинула листок.

— Ты знаешь, кого я имела в виду?

— Нет.

— Тогда почему испугался?

— Потому что думал, эту записку уничтожили.

Сергей подался вперёд.

— Кто должен был её уничтожить?

Виктор посмотрел на него с ненавистью.

— Спроси у своей жены. У покойной жены, которая двадцать три года водила всех за нос.

Нина встала.

— Ты сейчас уйдёшь, если ещё раз попытаешься свалить всё на человека, который уже не может ответить.

Виктор посмотрел на неё так, словно только теперь увидел незнакомую женщину.

— Ты очень изменилась.

— Нет, Витя. Я просто впервые не соглашаюсь с тобой ради тишины.

* * *

Они сделали перерыв. Виктор вышел на террасу позвонить на работу. Сергей предложил разогреть суп, который оставался в морозилке. Нина отказалась. Ей хотелось хотя бы на несколько минут остаться одной.

Она поднялась в комнату Анны и достала тетрадь из сумки. Села на пол возле кровати, открыла страницу с фразой «Я спасла его от тебя» и долго смотрела на неё. Что, если Анна не обвиняла её? Что, если «спасла» означало не разлучила влюблённых, а избавила Сергея от опасности, о которой Нина ничего не знала?

На задней стороне обложки она заметила неровность под тканью. Подцепила ногтем отставший край. Между картоном и переплётом лежал сложенный вчетверо лист тонкой бумаги.

Это была не записка. Копия письма, напечатанного на старом принтере. Внизу стояла дата: 6 ноября 2019 года.

«Анна Михайловна, сообщаем, что запрошенные сведения не могут быть предоставлены без подтверждения законных оснований. Данные об усыновлении охраняются законом. Просим прекратить обращения к сотрудникам учреждения напрямую».

Подпись неразборчива. В верхнем углу — название областного центра семейного устройства.

Нина перечитала письмо. В две тысячи девятнадцатом Анна искала не могилу. Она искала живого человека — и, вероятно, знала, что девочку могли удочерить.

Она сфотографировала документ. Затем раскрыла тетрадь на последней исписанной странице. Под светом окна проступали вдавленные следы письма на следующем, вырванном листе. Нина нашла мягкий карандаш в мастерской и очень осторожно провела боковой стороной грифеля по чистой странице, не затрагивая саму тетрадь.

Появились обрывки слов.

«...не верь дате...»

«...не твоя вина...»

«...Маша...»

Нина застыла.

Последнее слово могло быть частью другого имени. Но оно было написано отчётливо: Маша.

Она вспомнила звонок дочери, её тревожный голос, Виктора, который расспрашивал о бабушкиных документах. И подумала о самом страшном: а если разгадка находится не в прошлом, а прямо в её доме, среди людей, которых она любит?

Нина убрала письмо в отдельный конверт. Внизу послышался голос Виктора:

— Нина! Нам пора поговорить без свидетелей.

Она не ответила.

* * *

Когда Нина спустилась, Сергей стоял возле калитки. Он говорил по телефону и, увидев её, сразу закончил разговор.

— Я нашёл человека, который может проверить документы из папки, — сказал он.

— Кого?

— Бывшего сотрудника архива. Он не даст нам чужие личные дела, но объяснит, какие записи должны существовать и куда обращаться официально.

— Хорошо. Только я сама буду с ним говорить.

— Разумеется.

Сергей задержался у калитки.

— Нина, я должен кое-что признать. Вчера я сказал, что мы собирались пожениться. Это правда. Но к тому июню всё уже было не так, как я вам описал.

Она ждала.

— Мы поссорились перед вашей поездкой. Сильно. Вы хотели уехать одна, а я пытался удержать. Не силой, но словами, которые сейчас мне стыдно повторять.

— Из-за Анны?

— Нет. Из-за моего желания решать за вас. Похоже, в этом я мало отличался от Виктора.

Нина посмотрела на него внимательнее. Ей хотелось поверить этому признанию именно потому, что оно не делало Сергея лучше.

— Почему вы не сказали раньше?

— Мне было легче помнить нас счастливыми. Я двадцать три года рассказывал себе одну и ту же историю. Вы не единственная, кому придётся её пересмотреть.

Он ушёл, не дожидаясь ответа.

Нина осталась у калитки. За холмами показалось солнце. В мокрой траве блестели капли, с моря тянуло прохладой. Мир был равнодушен к тому, что у людей рушатся биографии, и в этом равнодушии было странное утешение.

Виктор вышел на террасу.

— Он опять наплёл тебе про любовь?

— Он сказал, что мы поссорились перед аварией.

Виктор хмыкнул.

— Хоть что-то правдивое.

— А ты можешь сказать правду, которая выставит тебя в плохом свете?

Он долго молчал.

— Могу. Я видел, как твоя мать забирала из больницы документы. И помог ей. Я знал, что там были записи о девочке.

— Почему?

— Она сказала, что иначе тебя будут искать люди, от которых нужно держаться подальше.

— Какие люди?

— Я тогда не спрашивал.

— Но потом?

Виктор опустил голову.

— Потом понял, что не всё в её рассказе сходится. И испугался: если начать проверять, потеряю тебя.

Нина прислонилась к перилам.

— Ты ведь понимаешь, что уже потерял?

Он посмотрел на неё. В глазах было столько усталости, что на секунду Нина увидела знакомого человека: того, кто зимой грел ей руки, когда в квартире отключили отопление, кто ездил ночью за лекарством для Маши. И это было самое трудное. Прошлого нельзя было отменить одним разоблачением.

— Я не прошу тебя простить, — сказал он. — Только не говори Маше ничего, пока мы не проверим.

— Я не стану обманывать дочь.

— Тогда хотя бы не делай её частью наших ошибок.

Нина не ответила. Впервые просьба Виктора показалась ей не только попыткой контроля. В ней был и страх за Машу. Но Нина уже знала цену решениям, принятым ради её «спокойствия».

* * *

После обеда Виктор уехал в город искать гостиницу. Нина настояла на этом сама. Он спорил недолго, словно силы на возражения закончились.

Оставшись одна, она позвонила Маше.

— Мам! — дочь ответила почти сразу. — Я уже собиралась тебе звонить.

— Всё в порядке?

— Со мной — да. Но папа вчера приезжал на дачу. Соседка видела его машину. Он говорил, что ещё в командировке.

Нина села на край дивана.

— Ты уверена?

— Соседка прислала фото. Он выносил из дома коробку. Мам, скажи уже, что происходит.

Нина прикрыла глаза. Врать она больше не могла. Но произнести вслух неподтверждённые догадки о происхождении дочери — тоже.

— Я узнала, что в молодости попала в серьёзную аварию и потеряла часть воспоминаний. Папа об этом знал. Я только сейчас выясняю подробности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.